

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Терехов Е.Д., студент группы СМ11-41Б

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

*Научный руководитель: Бочарников И.В., доктор политических наук,
профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии»*

Аннотация: в статье рассматривается эволюция политических партий от элитарных клубов XIX века до современных цифровых платформ. Анализируются теории М. Дюверже систем, а также современные тренды: деидеологизация, медиатизация, персонализация. Отдельно освещена российская и постсоветская специфика – «управляемая многопартийность», слабая укоренённость партий, роль государства. Делается вывод о трансформации партий в гибкие структуры, возможно, вплоть до мобильных приложений.

Ключевые слова: политические партии, эволюция, Морис Дюверже, массовые партии, электорально-профессиональные партии, деидеологизация, управляемая многопартийность, постсоветское пространство, цифровые партии, медиатизация.

Эволюция политических партий в современном мире представляет собой процесс, который растянулся почти на два столетия. Политическая партия в самом простом определении – это группа людей, объединённая общими целями и идеологией, которая стремится завоевать или удержать политическую власть. Ключевое отличие партии от любого другого общественного движения – участие в выборах: профсоюз борется за права рабочих, экологическое движение спасает леса, но партия идёт на выборы, выдвигает кандидатов и хочет попасть в парламент или правительство. Классик политической науки Морис Дюверже в своей книге «Политические партии», вышедшей на русском языке в 2005 году, писал, что партии – это «порождение демократии»: там, где нет свободных выборов, партии либо запрещены, либо превращаются в декорацию. Дюверже выделил три исторических этапа. Первый этап – кадровые партии, возникшие в Англии и США в XIX веке: это были элитарные клубы из нескольких сотен или тысяч влиятельных людей, которые договаривались о власти в ресторанах и салонах, у них не было массового членства, партийных билетов и взносов – это партии «джентльменов». Второй этап – массовые партии, появляющиеся в конце XIX – начале XX века вместе с ростом рабочего движения: социалистические и социал-демократические партии создают миллионные организации, например, партия КПСС насчитывала более 2 миллионов человек, у них есть уставы, членские взносы, партийные школы, газеты, и человек вступал в партию не только ради идей, но и ради помощи – партия могла помочь с жильём, работой, юридической защитой, это была глубокая связь. Третий этап – партии избирателей, которые появляются после Второй ми-

ровой войны: им уже не нужна идеологическая чистота, им нужны голоса, поэтому они размыывают свои программы, чтобы нравиться максимально широкому кругу. Дюверже также установил важную закономерность, известную как «законы Дюверже»: тип избирательной системы напрямую влияет на то, сколько партий существует в стране и как они эволюционируют. Первый закон гласит, что мажоритарная система в один тур, когда побеждает кандидат с простым большинством, ведёт к формированию двух крупных партий – классический пример представляют США, где вечно соревнуются демократы и республиканцы, а третьи партии почти не имеют шансов. Второй закон утверждает, что пропорциональная система, когда места в парламенте делятся пропорционально голосам, ведёт к многопартийности – примером служат Германия или Нидерланды, где в парламенте представлены 5–7 партий, и им приходится создавать коалиции. Россия использует смешанную систему: половина депутатов избирается по одномандатным округам (мажоритарная система), половина – по партийным спискам (пропорциональная система), что, по мнению многих аналитиков, позволяет сохранять доминирование одной крупной партии, но при этом оставляет шанс малым партиям проходить в Думу.

Переходя к современности, можно сказать, что массовые партии уходят в прошлое. В 2010 году российский политолог Л.С. Васильев опубликовал статью «Становление политических партий и партии нового типа», где описал четвёртую волну эволюции. Васильев говорит: люди больше не хотят стоять в очередях, платить членские взносы и ходить на партийные собрания; вместо этого появляются «партии нового типа» – профессиональные, цифровые, гибкие, похожие не на армию активистов, а на IT-стартап. Примерами служат Пиратские партии, возникшие в Европе в начале 2000-х: у них нет жёсткой структуры, они используют интернет-голосования для принятия решений, их активисты встречаются на форумах, а не в райкомах. Другой пример – испанская партия Podemos («Мы можем»), созданная в 2014 году группой студентов-политологов; через два года она стала третьей партией в Испании благодаря социальным сетям, харизматичным лидерам и простым лозунгам. Однако у этого есть обратная сторона: Васильев предупреждает, что партии нового типа неустойчивы, и как только лидер теряет популярность или скандал разрушает его образ, вся партия может рассыпаться за неделю, поскольку у них нет многотысячных членских организаций на местах, которые держат каркас. Интересно, что Дюверже ещё в середине XX века предсказал то, что мы видим сейчас, введя понятие «электорально-профессиональные партии». Это означает, во-первых, что партии перестают полагаться на массовое членство – им не нужны тысячи активистов с флагами, им нужны профессиональные политтехнологи, социологи, маркетологи, SMM-специалисты, и партия превращается в

компанию по производству политических услуг. Во-вторых, главное поле битвы – не улица и не завод, а медиа: телевизионные дебаты, посты в TikTok, Telegram-каналы, интервью у блогеров, и кандидат, который не умеет говорить в камеру, обречён. В-третьих, избиратель рассматривается как клиент: партия проводит фокус-группы, выясняет, какие формулировки вызывают доверие, а какие – раздражение, и подстраивает программу, так что идеология становится не ценностью, а товаром, и для кого-то это прогресс, а для кого-то – предательство идеалов, но это реальность современной политики.

Обратимся к России. В советское время была однопартийная система – КПСС, другие партии были запрещены. После распада СССР конституционная реформа 1993 года юридически запретила однопартийную систему, закрепила политическое многообразие и создала правила игры, при которых партии стали нужны для участия в выборах. За несколько лет зарегистрировали десятки, а то и сотни партий: коммунисты, либералы, монархисты, анархисты, национал-патриоты. Однако, как пишет Эйда Алексеевна Вологина в статье 2009 года «Реализация многопартийности в Российской Федерации», эти партии имели одну особенность: они создавались «сверху», то есть не народ рождал партию, а какой-нибудь известный политик или бизнесмен регистрировал партию под себя. Поэтому партии были слабыми, держались на личном авторитете лидера, а не на массовой поддержке, и как только лидер уходил, партия разваливалась. Дюверже описал бы это как отсутствие организационной укоренённости – партии не имели прочных связей с избирателями, не было массового членства, региональных отделений; это был хаос, но это был первый опыт многопартийности в новейшей истории России. В 2000-е годы ситуация меняется: власть берёт курс на консолидацию партийной системы, ужесточаются требования к регистрации партий – нужно иметь не меньше 50 тысяч членов, региональные отделения в большинстве субъектов, что отсекает мелкие, нежизнеспособные партии, и формируется доминирование партии «Единая Россия». Вологина называет это «управляемой многопартийностью»: с одной стороны, партии есть, выборы проводятся, оппозиция допускается, но с другой стороны, правила игры устанавливаются так, чтобы доминирующая партия оставалась у власти; это не советская однопартийность, но и не западная свободная конкуренция. В 2010-е правила снова смягчили: упростили регистрацию, снизили требования к численности. Сейчас в России зарегистрировано более 14 партий, появились новые проекты, такие как «Новые люди», которые активно используют цифровые форматы, короткие видео, работу с блогерами, и можно сказать, что даже в условиях управляемой системы партии вынуждены эволюционировать, чтобы привлекать молодёжь.

Ещё один важный источник – статья Евгения Игоревича Григоренко 2011 года «Современные траектории развития партийных систем на постсоветском пространстве», в которой он сравнивает разные бывшие советские республики и приходит к интересным выводам. Во-первых, партийные системы на постсоветском пространстве в целом слабее, чем в Европе: партии часто не имеют массовой базы, они создаются либо под конкретного чиновника, либо под бизнес-группу, и граждане голосуют не за партийную программу, а за знакомую фамилию или за «хозяина», который дал работу. Во-вторых, есть разнообразие: в Украине до событий 2014 года было очень много партий, коалиции собирались и разваливались постоянно; в Молдавии и Грузии тоже высокая фрагментация; а вот в Беларуси и странах Средней Азии партии либо доминируют властью, либо вообще не играют серьёзной роли. Григоренко делает вывод: партии на постсоветском пространстве эволюционируют, но гораздо медленнее западных, и эта эволюция идёт не по пути «массовость → профессионализация», а по пути «элитные группировки → формальные партии при власти».

Какие ещё вызовы стоят перед партиями сегодня? Можно выделить четыре главных. Первое – падение доверия: во многих странах люди считают, что партии не решают их проблем, а занимаются дележом бюджета, и социологические опросы показывают, что в Европе и США доверие к партиям находится на исторических минимумах. Второе – конкуренция с сетевыми движениями: когда происходит что-то важное, люди выходят на улицы не через партии, а через хештеги, как Black Lives Matter, климатические протесты, движение против пенсионной реформы – всё это организуется без партийных структур, и партии теряют монополию на мобилизацию. Третье – технологии: сбор цифровой информации позволяет партиям отправлять разным группам избирателей разные сообщения – одному про экономику, другому про экологию; это эффективно, но вызывает вопросы о честности и манипуляции. Четвёртое – персонализация: люди голосуют не за партию, а за лидера, «команда» уходит на второй план, что усиливает роль медиа и делает партии уязвимыми – ушёл лидер, ушли голоса.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Во-первых, политические партии прошли долгий путь от элитарных клубов XIX века до массовых организаций, а теперь – до гибких цифровых структур, и эволюция продолжается прямо сейчас. Во-вторых, главные тренды современности – это профессионализация (партии как фирмы), деидеологизация (программа подстраивается под избирателя) и медиатизация (борьба идёт в экранах, а не на улицах). В-третьих, в России и на постсоветском пространстве эволюция имеет свою специфику – более сильную роль государства, более слабую укоренённость партий в обществе, но при этом формаль-

ная многопартийность сохраняется. В-четвёртых, все изученные авторы – Дюверже, Васильев, Григоренко, Вологина – сходятся в одном: партии не исчезнут, потому что никто не придумал лучшего механизма для отбора кандидатов и организации выборов, но они изменятся до неузнаваемости. Возможно, через 20 лет партиями будут называть мобильные приложения, а не организации с уставами и знамёнами.

Литература и источники:

1. Бочарников И.В. Украинский «закат» Европы // Геополитический журнал. 2014. № 6. С. 2–6.
2. Бочарников И.В. Современные тенденции развития международного терроризма // Конфликтология / Nota Bene. 2016. № 1. С. 52–61.
3. Дюверже М. Политические партии. Перевод с французского. Москва, 2005.
4. Васильев Л.С. Становление политических партий и партии «нового типа» // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 114–125.
5. Вологина Э.А. Реализация многопартийности в Российской Федерации // Философия права. 2009. № 4. С. 52–55.
6. Григоренко Е.И. Современные траектории развития партийных систем на постсоветском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 73–83.
7. Ремарчук В.Н. Информационно-аналитическая деятельность: проблемы и перспективы // Вестник Академии военных наук. 2023. № 1 (82). С. 31–35.